

Се Янь в итоге так и не обнял Цуй Хао.

Он лишь мирно и спокойно посмотрел на него:

— Ты наелся?

Цуй Хао кивнул:

— Угу.

— Тогда возвращайся пока к себе, — сказал мужчина. — Здесь я попозже сам всё приберу.

— Хорошо.

— И это... — перед самым уходом Цуй Хао внезапно обернулся: — Если вы всё-таки не хотите их оставлять, просто выставите завтра утром к моему обувному шкафчику, ладно?

Се Янь помолчал какое-то мгновение, после чего ответил:

— Хорошо.

Только после этого Цуй Хао окончательно покинул столовую.

Се Янь не ушел вслед за ним и не стал продолжать ужин. Он остался стоять на месте, неотрывно глядя на коробку с обувью, одиноко стоящую на полу.

Глядя тихо, пристально и глубоко.

Белоснежная поверхность, золотистые контуры линий — на первый взгляд, это были самые обыкновенные спортивные кроссовки.

Но ведь Цуй Хао выбрал их специально для него.

Он не прибегал к чужому совету, не пользовался чужими глазами и уж тем более не брал на это чужих денег.

Он полагался исключительно на собственное чутье и представления о том, какой фасон и цвет подойдут мужчине, а ради покупки устроился на подработку и сам заработал всю сумму.

Се Янь достал мобильный телефон, зашел на официальный сайт бренда и вбил в поиск эту модель — 5897 юаней. Цена оказалась больше чем в два раза выше той пары, что была куплена для Цинь Эня.

Мужчина сам в свое время подрабатывал, поэтому прекрасно знал, сколько можно получить за один рабочий день. Даже с учетом инфляции и возросших расценок, за смену выходило чуть больше сотни юаней. А чтобы покрыть стоимость этих кроссовок — без малого шесть тысяч, — Цуй Хао пришлось пахать на этой подработке почти два месяца.

И всё это ради того, чтобы просто купить ему пару обуви.

Се Янь почувствовал, как в груди защемило, дыхание стало тяжелым и спертым.

Стоило ли оно того?

Ради такого человека, как он, совершать подобные поступки — стоило ли это того?

Целых два месяца личного времени... Разве нельзя было потратить их на что-то более приятное и полезное, зачем нужно было впустую растрачивать их на него?

Сам Цуй Хао ведь жил исключительно бережливо, мог носить скромные кеды за двести юаней по несколько лет, так с какой стати он выложил такие огромные деньги, чтобы купить ему эту вещь?

Неужели нельзя было потратить их на себя любимого?

Или, в крайнем случае, отдать сестре, порадовать племянника?

Почему он решил спустить их именно на него?

Се Янь искренне не находил ответа.

Он вообще с трудом понимал Цуй Хао.

Не понимал, почему тот выбрал именно его; не понимал, почему парень, очевидно разозлившись и обидевшись, всё равно покорно вернулся обратно, чтобы извиниться перед ним; и уж тем более не мог взять в толк, ради чего юноша угробил столько времени и сил, ведомый лишь одним чистым, простым желанием — сделать ему подарок.

Без каких-либо скрытых условий.

Не требуя ничего взамен.

Се Яня охватило непреодолимое, глухое раздражение.

Он выудил из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой и затянулся.

В обычные дни Се Янь недолюбливал табачный дым.

Его отец, Се Ханьхай, до безумия любил сигареты, обожал элитный алкоголь и боготворил женщин.

Се Янь глубоко презирал его, а потому принципиально не курил, практически не притрагивался к спиртному и близко не подпускал к себе женщин.

Он словно выстроил свою жизнь на противоположном полюсе, отчаянно стремясь не иметь с отцом ни единой общей черты.

Однако порой он ловил себя на мысли, что в его жилах всё же течет та самая грязная кровь Се Ханьхая, и именно поэтому в моменты крайнего душевного смятения или когда эмоции начинали выходить из-под контроля, ему приходилось прибегать к курению, чтобы насильно удерживать остатки хладнокровия и рассудка.

Вот только раньше подобные срывы случались крайне редко. В этом же году, стоило ему встретить Цуй Хао, такие моменты начали происходить необъяснимо часто.

За всю свою не такую уж долгую жизнь Се Янь практически не получал подарков в истинном значении этого слова.

Он рос в абсурдной, глубоко искалеченной семье, где каждый человек, хоть и состоял с ним в кровном родстве, на деле являлся его заклятым врагом.

«Благодаря» такой семейной атмосфере, взросление Се Яня трудно было назвать гладким и нормальным. Он так и не обзавелся близкими друзьями, а потому, естественно, и дарить подарки ему было некому.

Се Янь никогда не видел в этом трагедии — он попросту привык.

Да, давно и прочно привык.

Позже, когда он официально занял пост генерального директора корпорации «Се», люди вокруг один за другим принялись засыпать его подношениями.

Один презент, два, три, пять... Их становилось всё больше, а стоимость росла в геометрической прогрессии.

Се Янь мимоходом отбирал то, что казалось ему подходящим или симпатичным, принимал их, даже не ведая бровью.

И к этому он тоже со временем привык.

Но сейчас Цуй Хао преподнес ему эти кроссовки.

В этот вечер все нервы Се Яня натянулись, словно струны.

Он не привык к такому. Он совершенно, ни капли не привык к подобному отношению.

Зачем вообще нужно было дарить ему это?

Зачем нужно было делать ради него так много?

Стоило Се Яню представить, что Цуй Хао на протяжении двух месяцев усердно трудился ради этих несчастных шести тысяч юаней, как его прошибал холодный пот, уступая место глухой растерянности.

Когда он вез парня на встречу с Цинь Энем, Цуй Хао уже всю старался и копил деньги, чтобы купить ему эту обувь.

Когда он милостиво позволил ему увидеться с Цинь Энем и молча слушал, как тот поливает его грязью, Цуй Хао всё еще продолжал трудиться, думая о его подарке.

Даже после возвращения домой, когда Се Янь жестоко и злонамеренно прощупывал Цуй Хао, с издевкой спрашивая, не желает ли тот уйти к Цинь Эню, юноша на следующий же день как ни в чем не бывало отправился на свою подработку, продолжая шаг за шагом приближать покупку этого презента.

И что же в это время делал он сам?

Использовал его, соблазнял, подвергал низким проверкам — в то самое время, пока парень из кожи вон лез, чтобы заработать денег и сделать ему приятное.

Се Яня захлестнула волна жгучего стыда и самобичевания.

Он не заслужил этого. Он был попросту недостоин подарка Цуй Хао.

И уж точно не стоил этих двух месяцев его драгоценного времени и колоссальных усилий.

Юноша шел к нему с обнаженным, кристально чистым сердцем, пылающим искренним теплом, в то время как сам он таил в душе коварные помыслы, оставаясь порочным и леденяще холодным.

Он вообще не должен был принимать от него этот дар.

Сигарета дотлела до самого пальца. Се Янь резко вздрогнул, стряхивая пепел, и с ужасом заметил, как серо-сизые хлопья сорвались вниз, угодив прямоиком на белоснежную поверхность кроссовка.

Сердце Се Яня пропустило удар. Он поспешно отшвырнул тлеющий окурок, рывком поднял обувь с пола и принялся судорожно, в панике сдвигать и смахивать пепел, до смерти боясь, что эта грязная копоть осквернит первозданную чистоту ткани.

Он смахивал её снова и снова, а закончив, тщательно протер это место бумажной салфеткой.

На самом деле на обуви не осталось ни малейшего следа, невозможно было даже заподозрить, что секунду назад туда упал пепел. Вот только самому Се Яню казалось, будто он сам подобен этому самому грязному пеплу — уродливой кляксой рухнул прямо в чистую, светлую жизнь Цуй Хао.

Он посмотрел на свои пальцы, намертво вцепившиеся в кроссовки, и именно в эту секунду наконец нашел в себе силы открыто признаться собственному сердцу.

Он хотел оставить их себе.

Он до безумия хотел удерживать этот подарок Цуй Хао.

Даже отчетливо понимая, что недостоин, даже зная, что не имеет на это никакого права — он всё равно отчаянно желал забрать их.

Он принялся мысленно оправдывать себя: в будущем он сможет дать Цуй Хао гораздо больше, чем эти шесть тысяч, сможет покупать ему пару за парой любые спортивные кроссовки. Он вернет ему сторицей, преподнесет куда более ценные и дорогие подарки, а значит, он вполне может позволить себе оставить эту вещь.

Однако в глубине души он прекрасно осознавал: этот долг ему не вернуть никогда.

Каким образом мрак и низость могут компенсировать искренность и душевную нежность?

Цуй Юэ в свое время говорила о «взаимности вежливости»: она понимала, что не сможет ответить ему равноценным жестом, а потому наотрез отказалась принимать его подарки. Она была человеком честным, открытым и благородным.

А он... Прекрасно зная, что ему нечем отплатить, всё равно эгоистично жаждал присвоить подарок себе.

В этом и заключалась вся его суть.

Эгоистичный, беспринципный человек, который испокон веков пекся исключительно о

собственной выгоде.

В ту ночь Цуй Хао прождал очень долго, но Се Янь так и не вернулся в спальню.

Парень тихо приоткрыл дверь и заметил, что из-за приоткрытой двери кабинета Се Яня, расположенного неподалеку, брезжит полоска света.

«Неужели так сильно занят по работе?» — подумал Цуй Хао.

Он набрал сообщение в WeChat: [Уже полночь, Вы всё еще не закончили с делами?]

Се Янь ответил коротко: [Ложись спать первым.]

Цуй Хао поглубже закутался в одеяло и уснул в одиночестве.

Он так и не узнал, возвращался ли мужчина ночью в постель. Когда он снова открыл глаза, на часах было уже двенадцать часов дня, и в комнате он находился один.

Цуй Хао сладко потянулся, привел себя в порядок и спустился на первый этаж, чтобы раздобыть чего-нибудь перекусить.

Пообедав, он твердо вознамерился вернуть купленные для Се Яня кроссовки обратно в магазин.

Пусть мысль о том, что Се Яню совершенно не нужен этот подарок, по-прежнему навевала на него легкую тоску, но насильно мил не будешь — если человек не хочет, нельзя силой заставить его носить эти вещи. Лучше сдать их пораньше, чтобы не мозолили глаза и не копили обиду.

Однако, подойдя к своему обувному шкафчику, он обнаружил, что оставленной накануне коробки там нет.

Цуй Хао заглянул к шкафу Се Яня, но и там след кроссовок простыл.

Что это значит?.. Мужчина убрал их куда-то вглубь?

Или вовсе обул и ушел в них?

Не мог же он и впрямь взять и вышвырнуть их на помойку!

Цуй Хао резонно рассудил, что Се Янь не опустился бы до такой дикости — ведь он сам вчера прямым текстом сказал, что товар можно вернуть, так что выбрасывать вещь мужчина точно бы не стал. Может, Се Янь решил сам отвезти их на возврат? Но тогда он хотя бы прислал сообщение в чат, чтобы предупредить.

Покрутив эти мысли в голове, Цуй Хао пришел к выводу, что Се Янь всё-таки оставил подарок себе. Просто ему, скорее всего, стало неловко признаваться в этом вслух, оттого он и промолчал.

Настроение юноши в мгновение ока взлетело до небес. Он весело хмыкнул про себя: «Надо же, какой цундэрэ».

Цуй Хао с улыбкой прошествовал в гостиную и набрал Се Яню сообщение: [Когда Вы планируете вернуться? Будете ужинать где-то в городе или приедете домой?]

□Буду ужинать дома,□ — оперативно прилетел ответ от Се Яня.

Цуй Хао удовлетворенно кивнул, думая: «Вот вечером как раз и проверю, обут ли он в те самые кроссовки, что я ему подарил».

Если надел их сразу же после подарка, значит, вещь пришлось ему очень даже по душе.

Се Янь действительно ушел из дома именно в тех кроссовках, которые презентовал ему Цуй Хао.

Генеральный директор корпорации «Боюй» пригласил его сегодня перекинуться в гольф, поэтому мужчина еще с утра облачился в спортивный костюм. Когда пришло время обуваться, Се Янь открыл шкаф, намереваясь взять одну из своих привычных пар, но в самый последний момент ведомый каким-то необъяснимым порывом передумал, снял их и переобулся в подарок Цуй Хао.

Размер подошел идеально — ни малы, ни велики.

Да и цветовая гамма оказалась на редкость удачной, великолепно сочетаясь с его спортивной одеждой.

Се Янь с напускным безразличием завязал шнурки и переступил порог дома, однако стоило ему сесть в салон автомобиля, как его взгляд то и дело приковывался к собственным ногам.

Подаренные Цуй Хао кроссовки были кипенно-белыми. Белый цвет, как известно, обладал феноменальной маркостью, из-за чего Се Янь на протяжении всей встречи предпочитал лишний раз не ходить пешком, в основном чинно восседая на диванчике в VIP-зоне.

— Я звал тебя сюда вовсе не для того, чтобы ты лениво созерцал, как я махаю клюшкой, — с добродушным смешком заметил господин Ван, протягивая снаряд в его сторону.

Се Яню ничего не оставалось, кроме как подняться с места, подойти к полю и сделать несколько дежурных ударов в компании партнера.

— Не хочешь пройтись вон туда, развеяться? — Ван приподнял подбородок, указывая направление.

Се Янь проследил за его взглядом и вдали заметил силуэты Цинь Эня и его отца.

Сейчас, глядя на Цинь Эня, он не испытывал ровным счетом никаких эмоций — тот казался ему самым обыкновенным, безликим прохожим на улице. Если и существовало хоть какое-то отличие, то оно заключалось лишь в одном: Се Янь искренне надеялся, что Цинь Энь сохранит верность своей безответной любви к Цуй Хао и не посмеет разочаровать его в этом плане.

— Если у вас есть желание, вы можете подойти к ним, а я, пожалуй, воздержусь, — ровно произнес Се Янь.

— И какой мне резон идти туда одному? — усмехнулся господин Ван.

Они вновь переключились на игру.

В разгаре матча к ним направился официант, неся на подносе прохладительные напитки. На беду, парень на секунду потерял равновесие: его нога неловко скользнула по траве, поднос накренился, и стеклянный бокал с глухим стуком полетел вниз. Ярко-оранжевый сок хлынул

нескончаемым потоком прямо на белоснежную поверхность кроссовка Се Яня.

Мужчина замер, на мгновение впад в какое-то оцепенение.

— Простите! Пожалуйста, простите меня! — без конца лепетал насмерть перепуганный официант, спешно выдергивая бумажные салфетки и пытаясь судорожно оттереть пятно с его обуви.

Се Янь лишь молча созерцал его хаотичные движения, не произнося ни слова.

— Я правда... правда сделал это ненамеренно! — парень со слезами на глазах заглянул ему в лицо, выглядя глубоко несчастным.

Тон Се Яня оставался леденяще спокойным:

— И что с того?

Какая, к черту, разница, намеренно это было сделано или нет? Разве от его оправданий конечный результат как-то изменится и обувь перестанет быть грязной?

— Я...

— Да ладно тебе, хорош уже драму ломать, — донесся высокомерный мужской голос неподалеку.

Се Янь поднял голову. К ним размашистым шагом приближался Цинь Эннь.

Он бесцеремонно вздернул на ноги официанта, который всё еще беспомощно сидел на корточках, пытаясь оттереть обувь мужчины:

— Он ведь не специально это сделал. Какой прок от того, что ты строишь из себя тирана и измываешься над простым рабочим?

Договорив, Цинь Эннь брезгливо мазнул взглядом по испачканной обуви Се Яня и пренебрежительно фыркнул:

— Подумаешь, великая ценность — пара кроссовок. Я без проблем возмещу тебе их стоимость вместо него.

Слушая этот напыщенный, спесивый тон, Се Янь впервые поймал себя на мысли, что этот парень вызывает у него самое настоящее, глубокое отвращение. С таким скудоумием совершенно неудивительно, что он с треском проиграл внутрисемейную войну собственному старшему брату. Поделом ему.

— И чем же ты собрался мне их возмещать? — ледяным тоном процедил Се Янь. — Ты вообще кто такой, чтобы делать подобные заявления?

Цинь Эннь никак не ожидал, что мужчина прилюдно срежет его столь жестко и бескомпромиссно.

В его груди тоже вскипела ярость:

— Я прекрасно знаю этот бренд. Буквально через час я куплю тебе точно такие же. Даже если это редкая лимитированная серия, я костями лягу, но достану для тебя абсолютно новую,

нераспечатанную коробку!

Се Янь издал короткий, презрительный смешок. Изначально в его планы вообще не входило наносить Цинь Эню какие-то сокрушительные удары.

Эти кроссовки были подарком Цуй Хао.

Ему претило превращать чужую искреннюю заботу и душевное тепло в банальное оружие для мелких уличных разборок с врагами. Именно поэтому он еще загодя приметил Цинь Эня на поле, но не стал предпринимать никаких действий. Он всего лишь хотел поскорее закончить с делами, вернуться домой и спокойно поужинать вместе с Цуй Хао.

Но теперь обувь была безнадежно испорчена.

И, как назло, Цинь Энь сам настойчиво лез на рожон, напрашиваясь на крупные неприятности.

— И как же ты, интересно, умудришься купить мне точно такие же? — с расстановкой произнес он. — Эту пару Цуй Хао лично выбрал для меня. Он сам подбирал фасон, сам искал этот цвет, а куплены они на деньги, которые он на протяжении двух месяцев зарабатывал тяжелым, изнурительным трудом на подработке. Ты собрался мне их купить? И на какие средства ты купишь именно их?

Цинь Энь застыл как вкопанный, его лицо мгновенно мертвенно побледнело.

Он круглыми от ужаса глазами уставился на испачканную обувь на ногах Се Яня.

Это действительно был до боли знакомый ему бренд — та самая марка, кроссовки от которой он в свое время преподнес Цуй Хао, и которую сам Цуй Хао позже подарил ему в ответ.

Вот только та пара, что Цуй Хао вручил ему, была выбрана самим Се Янем и оплачена из личного кармана Се Яня.

В то время как обувь, красующаяся сейчас на ногах Се Яня, была куплена Цуй Хао от начала и до конца самостоятельно, на честно заработанные потом и кровью деньги.

Колоссальная, непреодолимая пропасть между этими двумя подарками была очевидна без лишних слов.

Неужели разница между ним и Се Янем в сердце Цуй Хао была настолько огромной, несоизмеримой величиной?

Цинь Энь искренне не мог взять в толк: почему Цуй Хао так безумно, слепо любит этого человека? Ради чего он готов приносить в жертву столько собственных сил и ресурсов?

Он в упор посмотрел на Се Яня, и в глубине его зрачков вспыхнула дикая, удушающая зависть, которую он сам даже не успел осознать.

Однако Се Янь даже не удостоил его взглядом. Мужчина смотрел исключительно на свои испачканные ноги.

Ни Цинь Энь, ни все присутствующие на этом поле люди вместе взятые не имели для него сейчас ровно никакого значения по сравнению с этой парой обуви.

Но его кроссовки были безнадежно грязными.

<http://bllate.org/book/17744/1694858>